

Из сочинения Фламмариона "Стелла".

Созвездие Геракл

Альголь, чертова звезда или голова Медузы замечательна и любопытна. Через каждые двое суток она со второй величины нисходит до четвертой. Это вследствие затмения, производимого прохождением пред этим далеким солнцем какого-то темного тела. Состояние наименьшей яркости продолжается лишь шесть минут. Вот система, где движение происходит в плоскости нашего луча зрения, и лишь благодаря этому случайному совпадению обстоятельств, мы знаем ее.

Наша планетная система не представляет какое-то исключение во Вселенной, открыты уже многие, так например, система Алголя, Дельты Цефея, которая находится по близости звезды и в Змееносце, были открыты только потому, что они движутся в плоскости нашего луча зрения. Другие же, как например, системы Сириуса, Проциона, Кастора, сделались известны вследствие перемещений главной звезды, причиняемых притяжением ее со стороны ее спутников.

Небо это - жизнь, движение, сила энергия. Это - свет, тепло, солнце. Ведь это вихрь из бесчисленных солнц, низвергающихся в бездны Бесконечности. Наши человеческие общественные перевороты, наши вулканы, землетрясения, бури, ураганы и громы все это лишь улыбка младенца в сравнении с теми колossalными силами, которые проявляют здесь свое действие.

Наша планета странствует по небесным безднам со скоростью 28 верст в секунду. Скорость же болидов больше - от сорока до пятидесяти вест в секунду. Когда болид и земля идут друг другу на встречу, их скорости складываются и на м кажется, что болид летит со скоростью больше 60 или даже 70 верст в секунду, т.е. тысяча четыре версты в секунду... Такая быстрота и бывает причиной их взрыва, вследствии страшного сжатия воздуха, проводимого болидом впереди себя.

Бесконечность есть прямое доказательство Бога.

Религиозное чувство заключается в стремление нашей души к истине, к жажде узнать наше будущее назначение в вышенных убеждениях, какие могли сообщить нам наши знания. Религиозное чувство есть чувство чисто личное.

Часть третья

Случайного ничего не бывает. Всякое явление есть следствие известной причины.

Все наблюдаемые явления: гнезда, которые устраивают птица, самоотвержение материей, кладка яичек какою нибудь мухою или бабочкой, вскармливание детей млекопитающими, взаимное притяжение полов, устройство человеческого тела, все это доказывает существование какой то цели, какого то предназначения в современном строении земных явлений.

Беспрецедентность небес, неисчислимое количество солнц и планетных систем свидетельствует о таком величии, пред которым человек не более, как атом.

В небесной механике проявляется справедливость, никакая ошибка там не возможна.

История земной жизни, начиная с древнейших геологических эпох вплоть до наших дней, указывает нам на непрерывное постепенное совершенствование этой жизни. И это постепенное совершенствование, это вечное стремление двигаться вперед представляет собою основной закон, которому подчиняется вся природа. Но в этом законе проглядывает разумность.

Математические науки - геометрия, физика, оптика, выражющие в своих формулах существующее состояние вещей, указывают на разумное устройство вселенной.

Наша способность вычислять, отвлеченно думать, наше чувство справедливого и несправедливого, истинного и ложного, доброты и злобы не может быть произведением головно-мозговой химии. Психический мир столь же несомненно существует, как и мир телесный, вещественный."

Весь видимый мир не более, как простой призрак, скрывающий за собою мир невидимый. Мы знаем, что какая нибудь наковальня представляет собою систему совершенно неосязаемых атомов, находящихся в непрестанном движении и не прикасающихся друг к другу. Истинное человеческое существо - ведь это не тело, которое мы видим и которое впрочем в свою очередь тоже состоит из невидимых, самих по себе частичек, находящихся в вечном движении. Необходимо допустить некоторую сущность психического порядка, существенно отличающуюся от всех физиологических проявлений, сущность воспринимающую впечатления и действующую совершенно иным образом/

но разумеется также подчиненную закону постепенного совершенствования, как под чинена ему вся природа.

Вы можете сколько угодно есть, пить, вдыхать в себя что хотите; ваш желудок, ваши легкие, ваше сердце, ваш мозг могут действовать сколько угодно, но никогда эта лишь одна деятельность не приведет к возникновению какой нибудь геометрической теоремы, какой нибудь метафизической системы, подобной тем, которые так страстно проповедывали великие умы, не внушит вам мысли о самопожертвовании. Умозаключение о том, что квадраты времен обращения планет относятся между собою, как кубы расстояний, анализ душевных способностей, или то чувство, которое, в случае опасности, заставляет предпочесть для себя смерть, чтобы спасти любимое существо - такие вещи не имеют ничего общего с органическими выделениями. Это нечто совершенно иное.

Могут возразить, что никто еще не видел души. Но мы ничего не видим из того, что действительно существует, ничего не видим так, как оно есть на самом деле. Видим ли мы силу, удерживающую в пространстве нашу землю? Видим ли мы силу всеобщего притяжения? Видим ли мы космический магнетизм? Видим ли мы человеческий магнетизм?

Вопрос в том - существует ли эта душа? Продолжает ли она жить после смерти тела? Чем она становится тогда? Где будем мы и чем будем мы через сотню, через тысячу лет, во всю предстоящую пред нами вечность?

Нет вопроса важнее этого. И именно этот вопрос мнимым образом берутся решать всякие религии. Этот отчаянный вопль человеческого сердца во все века и у всех народов. Богословы утверждают, что христианство решило это проблему и что ее решать - не дело науки. Но они заблуждаются.

Что касается до ученых, то их заблуждения еще глубже. Первые, по крайней мере, ставят вопрос и догматически, авторитетно заявляя, что они его решили. Вторые же великая себя представителями науки, даже не желают его ставить и повидимому совершенно пренебрегают им. Они допускают, что нам можно довериться материальными и социальными успехами человечества и совершенно особым образом решают вопрос о бессмертии, которого мы такаждем, предсказывая лишь наступление эры счастья для наших потомков все на той же земной мировой сцене. Как же узнаем мы об этом, если мы перестанем существовать? Всеобщая взаимопомощь и единение, наступление царства справедливости в будущем - вот по их мнению величайшее нравственное удовлетворение, которое может предложить нам наука. Но это - не бытие, уничтожение, потому что земному человечеству неизбежно предстоит конец. Что касается до личного бессмертия, то они или его безусловно отрицают, утверждают, что наша мыслительная способность есть одно из направлений мозга, прекращающееся вместе с прекращением деятельности этого последнего, или же объявляют, что положительному знанию нечего искать из этой области, которая навсегда остается для него закрытой; отсюда и нежелание знать об этом - агностицизм.

Вот заблуждение, вот безумие, вот самая непонятная ошибка учёных, как и богословов. Эти последние уверены, что все знают, хотя и не знают ровно ничего. Первые же знают очень мало и воображают, что наука не может простираться дальше. Если мы взглянем на всех этих доктринеров огулом, то увидим, что все верующие окажутся какими-то иллюминатами, видящими свет лишь внутри себя и допускающими все без всякого разбора, между тем как люди науки представляются более или менее убежденными атеистами и материалистами. Но истины нет ни у тех, ни у других.

Если точные науки, если наблюдения и изучение явлений никогда и ничему не научат нас о существовании души и ее бессмертии, то мы никогда ничего и не узнаем на этот счет, потому что можно знать только то, что мы изучили. Ведь никакого сверхъестественного откровения в собственном смысле не существует. Что бы ни говорили нам такие великие учителя, как Моисей, Конфуций, Будда, Платон, Магомет или сам Иисус, что бы ни вздумал утверждать какой-нибудь вдохновенный человек, всякий, надеющийся на свой разум, может допустить такие утверждения лишь в том случае, когда они не противоречат тому, что он наверное знает. Если же они ему покажутся незаслуживающими доверия, недопустимыми, то он и не примет их. Каково бы ни было верование, но для него все таки необходимо отправляться лишь от первого положения, которое допущено разумом. Итак окончательно все оказывается разум выше разума и независимо от него. Пусть теперь какой-нибудь теолог учит нас

как это делалось раньше в продолжение стольких веков, что небо есть твердый потолок или свод, на котором восседает триединое божество, окруженное ангелами и святыми, что наши души после смерти идут туда или же поступают в чистилище или в ад; мы знаем, что такое понятие о вселенной совершенно ложно и не примем утверждений проповедника. Наши представления и наши верования прежде всего должны быть согласны с доказанными научными истинами. Древнее геоцентрическое и антицентрическое понятие о мироздании безвозвратно осуждено в настоящее время. Но оспариванием этого прекратилось еще не очень давно.

Вопрос о душе есть первый из всех вопросов. Он даже выше вопроса о бытии Бога. Из двух вопросов о осуществлении Бога и нашем собственном существовании последний всегда будет занимать нас всего больше. Мы живем и это для нас важнее всего. То же будет и через сотню и через тысячу лет. Что касается до вопроса о бытии Бога то можно спорить это, утверждать или отрицать, но никто не будет этого чувствовать столь живо, как чувствует и сознает себя самого. Повторяю существует в сущности лишь один великий вопрос для нас важности вопрос, во прос, перед которым меркнут все другие, это вопрос о нашем личном существовании.

Итак во что должны мы изучить? впервых себя самих, во вторых, вселенную.

Каким же образом действует душа? Мы знаем, что электричество оказывает огромное влияние на все. Мы едва лишь начинаем догадываться, как обширна его сфера действия, и это электричество, чтобы быть человеческим, возникает уже при самом зарождении человека.

Электрическая атмосфера составляет как бы нашу оболочку. Нервная система не ограничивается нашим головным мозгом, спинным и нашими нервами; она расходится от нас лучеобразно во все стороны. Мысль наша может действовать на расстоянии не только при помощи голоса или взгляда, но распространяться гораздо дальше, хотя совершенно беззвучно. Наша душа заключается в какой-то как бы особой оболочке, в каком то небесном, или как говорят спириты, астральном теле, которое может отделяться от земного тела. Разве вам никогда не приходило задуматься над вопросом, чем объясняются наши симпатии и антипатии, эти действия души на расстоянии, эта гармония или какобония каких то колебаний?

А предчувствия, веющие сны, а разные психические явления и телепатия?

Открытие взаимного притяжения между чувствительностями или волями, открытие взаимной проницаемости сознаний, в следующем веке будет иметь в другой сфере так же важность, и окажется столь же плодотворным, как открытие Ньютона для небесных тел. Наукамо послужило бы основанием для научной психологии. Наука утончается и очищается.

Психическое существо будет развиваться и совершенствоваться в своих ощущениях и в познании себя самого, как это делает существо физическое. Разверните страницы геологической истории земли. В начале свет озарял землю, но не существовало на ней ни одного открытого глаза, чтобы видеть этот свет. Лишь по прошествии многих тысяч веков появился, наконец, зачаточный, безформенный, почти бесчувственный оптический нерв трилобита. Нечувствительно, мало-по малу этот глаз просветлялся, очищался, совершенствовался, пока не дошел до кристаллической прозрачности человеческого глаза и до его оптического могущества. Да, наше человечество находится еще в животном состоянии и наше психическое начало еще только стало пробуждаться. Оно уже сознает себя, оно уже ищет, мечтает. Это тоже как будто какой то внутренний глаз, только что возникающий; он еще почти ничего не видит, но он чего то ищет, он стремится к свету. Он будет непрерывно совершенствоваться, и тогда человечество получит новые познания.

Но не будем доверять призракам, не будем считать действительностью то, что нам лишь кажется ею. Наружность всегда обманчива и ненадежна.

Без сомнения нам кажется, что способность к мышлению родилась вместе с нашим телом и вместе с ним же умрет. Да, нам так кажется; но это заблуждение.

Если бы гусеница могла мыслить, она тоже считала бы себя умирающей, завертываясь в саван своего хризалидного, куколочного состояния. Она никак бы не могла догадаться, что прекрасная крылатая бабочка и она представляют то же самое существо. Да и могут ли еще ее глаза видеть бабочек?

Всегда говорится, что мы можем допускать лишь то, что мы видим. Но в таком случае для каждого будущего, да и настоящего, размышление, смысл, разум, рассудок. Знаете ли что такое

мы видим даже в физике, даже в самой оптике. Да - ничего или почти что ничего.

Эфирные колебания, способные действовать на нашу сетчатую оболочку и ощущаемые нашим зрительным нервом, заключаются между двумя очень тесными пределами. Вы знаете солнечный спектр от красного до фиолетового его конца и понимаете что все лучи видимые для человеческих глаз, заключаются в этом спектре. Вы знаете также, что солнечные лучи продолжаются как за фиолетовым концом, так и за красным;

что первые будучи невидимы для глаза, обладают большою химической силой и оказываются видимыми для фотографического глаза и были фотографированы со всеми их спектровыми линиями; и что вторые, равным образом невидимые для нас, оказываются тепловыми и тоже были фотографированы при помощи болометра. Итак, сознайтесь, что видимый мир далеко не представляет мира, действительно существующего. Посмотрите: вот спектр, как он нам известен в настоящее время. Длина его - целая сажень. Теперь видите вы в середине его светлую полосу. Эта та часть спектра, которую мы видим. Она занимает меньше двух с половиной вершков. Все остальные лучи, все громадное количество их сравнительно с этим, остаются для нас неощущимыми. Не будем же такими двухвершковыми "позитивистами". Почему же мы видим так мало даже в самом физическом мире? Потому что мы слишком близки к солнцу.

Наш глаз, образовавшийся в столь светлой среде, почти совсем ослеплен ею. Наш зрительное ощущение грубо, плохо, аляповато и ряд колебаний, доступных для нашего зрительного нерва слишком не велик. Так что мы почти что ничего не видим из того, что есть. Когда мы пробывши долго на ярком солнечном свете в хороший летний день, входим в погреб, мы почти ничего не можем там различить. Ах, если бы наш глаз развивался в среде, освещенной более мягко, как например на Уране или на Нептуне, тогда его способность к световым восприятиям была бы гораздо больше. Но что делать. Мы возникли на земле. Наш организм в этом отношении обладает не гибкую струной арфы или скрипки, а настоящим железным прутом. Но по нему надо бить молотом, чтобы он зазвучал. Вот почему действительное, обычное состояния, в котором находится вселенная, мы называем ночью. Это потому что мы просто изжарены и ослеплены, находясь так близко к солнцу. Взглядите на этот план солнечной системы. Вон какие величественные, громадные пути свершают в пространстве. Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун и неизвестные дальнейшие звезды. Между тем Меркурий, Венера, Земля и Марс кружатся около самого солнечного горна, поджариваясь со всех сторон, и их вы с трудом даже различаете тут. Наш способ восприятия внешнего мира слишком узок, слишком несовершен и неполон. Но наука несколько расширяет его, открывая для нашего разума мир невидимый, эту бесконечность, среди которой доступный для нас мир, кажется каким то маленьким, легким, готовым сейчас исчезнуть, мыльным пузырем.

Вот странный, но в то же время и неопровергимый парадокс: ночь представляет собой светоч науки. Без ночи мы не узнали бы Вселенную, без нее мы никогда не видели бы звезд. День совершенно скрывает собою беспредельность небес.

И наши глаза, образовавшиеся при этом солнечном свете, не видят ничего, почти ничего, так как из сотни разных лучей воспринимают не больше пяти.

Да, невидимый мир служит основанием всему. Но ведь это же действительно существующий мир, открытый для наших научных исследований, а вовсе не мир, воображаемый или сверхъестественный. Сверхъестественного нет ничего. Религия будущего будет религией науки, той науки, которая никогда не лжет.

Кто сомневается в науки, тот стоит на ложной дороге. Мы знаем лишь то, что мы изучили. И всегда люди будут знать лишь то, что ими изучено. Но чтобы научить нас чему нибудь, существует только наука и ничего более. И великое заблуждение воображать себе, что существуют какие нибудь другие, столь же действительные, источники познания.

Ничего нет кроме науки. Мы не должны и не можем утверждать ничего кроме того что знаем. У меня нет никакого сомнения насчет науки. Но я утверждаю, что она нам не доказала еще существования души или ее бессмертия.

Но ведь ее миссия еще не закончена. Она начинает уже это делать. Это оно еще большое заблуждение - судить о ней по тому, что она нам дала до сих пор. Человек еще молод, оно еще очень молодо: оно переживает годы детства и перед

ним еще многие тысячи, многие миллионы лет жизни. Если мы сравним его жизнь с продолжительностью нормальной человеческой жизни, то мы теперешнему его возрасту могли бы дать только четыре года и уж никак не более пяти лет. Ну, конечно, оно достигнет когда нибудь зрелого возраста, конечно его разум когда нибудь разовьется, и может быть уже на седьмом своем году оно начнет немножко мыслить, но мы еще теперь этого возраста не достигли. Мы еще любим всякое варварство, разрушение и нищету. Достигать этого последнего для многих, для большинства людей составляет еще удовольствие. Мысли еще нет, рассудок еще не действует. Да, если бы нам было пять лет, тогда бы — ~~был~~ другое дело.

У нашего земного человечества сознание и разум находятся еще в зачаточном состоянии. Мы не можем составить представления о том, чем будет земное человечество, когда через миллионы лет его сознание достигнет полного своего развития. Между нашим теперешним состоянием и этим будущим вероятно такая же разница, какая существует ныне между низшими животными и человеком.

Ла, наука еще не открыла нам тайну жизни и смерти; но она откроет ее нам когда нибудь. Если бы она достигла этого, то земное человечество было бы осуждено на вечное пребывание во тьме. Но это очень мало вероятно потому что если современное наше знание еще очень жалко, то все же оно дает нам ~~накануне~~ легко согласиться, весьма хорошие барыши; оно уже начинает проникать в область невидимого и плоды его столь чудесны, что мы имеем право уже право рассчитывать на будущее.

Лишь наука спасет нас от банкротства религий.

Никто не мог угадать действительной природы неба, никто не догадывался, как устроена беспредельная вселенная, пока астрономия не открыла это нам.

Астрономия это единственный светоч, который может внести свет в наши понятия о небе. Поэтому лишь одни астрономы могут положить прочные основания для религии будущего.

Существование других миров открывает для наши душ области невидимого. Мы живем теперь на одном из светил неба и небесные же светила будут нашими жилищами и в будущем. Каждый из нас представляет для самого себя древнюю парку и сам прядет нить своей будущей жизни. Настоящая наша жизнь есть семя жизни будущей. Мы будем тем, чем мы хотели бы быть и чем достойны мы быть. Каждое сознание понимает, что это и не может быть иначе.

Я не отрицаю таинственности, она есть во всем. Наша жизнь есть сознательное подготовление к неизвестному назначению/ начинаящемуся за гробом. Я допускаю эту тайну, я полон надежды. При том что такое вы говорите о человечестве и о жизни? При вашей точке зрения человечество гораздо богаче мертвыми, нежели живыми.

Среди мрачного хаоса, в котором движутся какие то неясные тени, наше человеческое племя стремится разрешить загадку своей судьбы и еще не достигло этого. Но же начинается рассвет, возвещающий приближение зари и разгоняющий тьму и мрак. Свет этот увеличивается и подготовляет восход лучезарного солнца. Я приветствую в нем свет астрономии, ~~без~~ которого человечество жило до сих пор, как слепорожденное. Этой астрономии суждено открыть нам тайны мироздания, показать нам истину, развернуть пред нашими душами великие небесные горизонты, готовые для осуществления всех наших надежд.

Пока люди волнуются, удовлетворяя свое ребяческое честолюбие, занимаясь пустыми политическими раздорами и своими эфемерными интересами, наука спокойно и безмятежно продолжает свое великое дело и делая одно за другое свои завоевания, возвышаясь мало по малу до познания истины.

Центр бесконечности везде.

Каждая из бесчисленных звезд — громадное солнце, сильно отличающиеся друг от друга по своим размерам, по блеску/ по роду света, по возрасту/ по силе и могуществу.

На юном небе находится звезда Ахернар всегда находящаяся под нашим горизонтом, затем созвездия Тукана, Южного Креста, Центавра, Гидры и Левы.

Сковозной поезд, несущийся с быстротою километров в минуту/56 верст в час/ употребил бы 270 лет чтобы дойти до солнца, а чтобы добраться до ВЕГИ, ему потребовалось бы 371 миллионов лет. Тот световой луч/ который мы от нее теперь получаем, летел через пространство, делая по 40 тысяч географических миль в секунду 22 года и восемь месяцев. Да, все это время с того момента когда вышел в путь

чтобы дойти до нас сегодня

свет безостановочно мчался из бездн неба о прямой линии, ... и это еще одна из
очень близких к нам звезд.

На таком то расстоянии, которое кажется нам просто невероятным ужасным, мы получаем ее теплоту. Ее притяжение присоединяется к притяжению нашего солнца и входит в сочетание с притяжением других солнц, ближайших к нам ~~нашими~~: Сириус, Процион, Альдебаран, Альфа Центавра, Арктур, и составляет, так сказать, существенное основание бытия в нашей звездной области. Солнца представляют собою как будто то же, что главные вали в машине.

Наше солнце и все соседние с ним поддерживают друг друга взаимным тяготением и каждое из них движется в пространстве, подчиняясь совокупности притяжения всех остальных. Одна только наша планета, и та является игрушкой двенадцати различных движений. Мы живем на светиле столь же подвижном, как и все другие, на светиле, качающемся так и сяк в пустом пространстве под влиянием всемирной силы.

Артур в Большой Медведице. Алтаир в Кассиопеи и Вега в Лире. Арколь в Персее.

Плеяды это - целая Вселенная. Обычным зрением мы видим не более десяти звездочек в нем, но на самом деле их несколько тысяч. Они кажутся совершенно уединенными от всего остального.

Предположим, что мы будем лететь еще быстрее молнии, что мы будем уноситься со скоростью света. При такой быстроте в 40 тысяч географических миль в секунду, нам потребуется сорок минут, чтобы достигнуть Юпитера, час, чтобы долететь до Сатурна, четыре часа, чтобы очутиться на Нептуне, тридцать шесть лет, чтобы долететь до Полярной Звезды и сто лет, чтобы до этой звезды, горящей как раз над нами, до Веги. Где же пределы Вселенной? Где она кончается? Мы не подвинулись ни на шаг. Мы все еще в предверии Вселенной.

Мы могли бы так путешествовать в этом самом направлении или во всяком другом продолжении целой вечности и мы никогда не приблизились бы ни к какому пределу. Что же такое дальше? Новые Небеса. А за ними. Опять новые небеса. Это бесконечность. Тут нет границ, нет конца. Тут нет ни верха, ни низа. Тут зенит то же что и надир. Тут нет ни права ни лева, тут нет никакого направления. Звезды для нас являются отправными или путеводными точками, чем то вроде верстовых столбов на вечной дороге, пользуясь ими, мы можем производить в небесах нечто, напоминающее триангуляцию. Но среди бесконечного пространства нет ни одной точки, к которой мы могли бы отнести все наши положения. То же путешествие, которое мы сейчас лишь сделали, делают равным образом и звезды. Ведь и они падают во всевозможных направлениях с ужасающими скоростями. Ведь и мы сами путешествуем вместе со всем землею в пространстве с незапамятных времен и будем так путешествовать без конца. Прежде чем родиться, земля уже странствовала среди небес, потому что она составляла часть солнечной туманности; она уже и тогда шла по пути своего будущего назначения. После кончины земного мира, развалины нашей планеты будут также продолжать свое странствие, как вступив в какие либо новые сочетания с солнцами. Пространство бесконечно, а движение и сила неразрушимы.

Взгляните на эту звезду самую яркую в Лебеде: она несется прямо к нам, падает прямо на нас, можно сказать со скоростью почти двух тысяч миллионов вест в год. Но она никогда не достигнет нас, потому что и сами мы не остаемся на месте, а быстро несемся к созвездию Геркулеса.

Этот Артур летит к югу со скоростью почти трех миллиардов вест в год.

Вон там в Большой Медведице есть звезда, которая летит со скоростью двадцати шести миллионов верст в сутки, что составит в год больше девяти тысяч миллионов вест.

Все это бежит, падает, кружится среди этого великого простора без конца и границ. Это какая то небесная пыль, подобная пыли в комнате, освещенной лучем света. Это какой то дождь из алмазных капель, уносимый каким то божественным дуновением... Но это также и дождь разумных душ, потому что в то же время ведь это и бесчисленное живое население небес.

И что такое самое наше солнце? - Не больше, как атом. И что такое Земля? - Ни тожество. И что такой мы сами? --- Мы - некоторые истечения из существа Бога, если мы можем понимать все это величие всю эту Красоту.

Самая близкая от нас звезда отстоит от нашего солнца на тридцать семь миллио-
нов верст. Это расстояние ничего не значит. Из лучи света, тепла, электричества, их притяжение, их магнетизм сочетаются между собою, составляют одно целое. Нам кажется, что между нами и солнцем лежит совершенная пустота на протяжении ста сорока миллионов верст; что такая же пустота разделяет нас от луны на протяжении 360 тысяч верст, но это заблуждение, пустоты на свете не существует. Солнце держивает землю в пространстве, оно освещает, согревает и оплодотворяет ее. И такие невидимые узы связывают между собою все миры.

Наш звездный мир должен представлять собою некоторое, великое громадное тело какой то беспредельно обширный организм, в котором солнца и миры служат как бы частицами, материальными атомами.

Между мирами на самом деле нет никаких расстояний: они не удалены друг от друга. Они находятся между собою в таком же отношении, как атомы в куске железа, дерева или человеческого тела, которые тоже не касаются друг друга, находятся в постоянном колебательном движении, вечно движутся.

Вселенная, это - какое то живое существо. Каждый мир составляет с собою частицы некоторого великого тела, громадного целого.

И души переходят из мира в мир как будо какие то истечения, оживляющие вселенную. Без них миры оставались бы мертвыми. Психические силы, подобно силам физическим, проникают через эти расстояния, которые на самом деле вовсе не то, чем они нам представляются.

Вот великое единство физическое и психическое. Взгляните на Млечный Путь: все солнца в нем соприкасаются между собою. Но ведь это звездный мир, видимый с далекого расстояния.

Миры представляют собою атомы вселенского тела. И пред нашими глазами находится теперь живое единство.

Вера, представляющая веру истинную, ту самую, которую проповедывали Иисус и Будда, принята пока лишь одними высшими умами, просвещенными и чувствительными душами, понимающими Науку, Природу и величие Божественного Принципа. Но в ожидании пока эта чистая вера утверждается в человечестве, простой народ нуждается еще в разных вымыслах и обрядах.

Самым стойким и непреклонным в своих суждениях человеком, человеком, решающим всякие вопросы самым авторитетным образом, может быть только невежда, потому что каким-ко начнем основательно разбирать дело, то точас же и лишаешься всякой уверенности в большинстве жизненных вопросов.

Свет летит со скоростью 17-ти миллионов верст в минуту. Целых четыре года с четырьмя месяцами нужно лететь безостановочно, делая по тысяче миллионов верст в каждый час, чтобы достичь ближайшего к нам "иного" солнца Вселенной, которое стоит теперь перед нами подобно необъятному огненному горну. Мы видим даже не одно, а два солнца, близкие между собою, связанные невидимыми узами в одну общую пару и щедро льющие в пространство свое тепло и свет с гораздо большей энергией, чем наше солнце. Только по истечении тысячи лет, не останавливаясь ни на минуту, мы можем проникнуть в бесконечно-далекие области тех новых солнц, которые представляются нам с земли в виде звезд всевозможных величин, часто лишь едва различаемых нами. Все это гигантские огненные горы разных размеров, беспредельные океаны огня и пламени, озаряющие и согревающие своим теплом, кружащиеся около каждого из них. .. В каком бы направлении мы ни рассматривали вселенную во всяком из них она бесконечна. Среди этой бесконечности та совокупность солнц и миров, что составляет нашу видимую вселенную, не что иное, как один из островков бесконечного величия архипелага, а жизнь нашего человечества, со всем его религиозной и политической историей даже со всем историей нашей планеты - вся эта жизнь для беспредельной вечности не более как минутный сон.